

ника — „ростовским жителем“¹ в 1534 г. Из какой-то ближе нам неизвестной поздней ростовской летописи могла быть перенесена только та краткая повесть о Калкской битве, где имелось лишь простое упоминание о гибели Александра Поповича и его 70 храбрых, заимствованное в поздних ростовских летописях из свода Фотия.² Именно этим путем можно объяснить ее появление в Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в.

5

Итак, перед нами ощутимый след народных произведений об Александре Поповиче, слуге его Торопе и о Тимоне Златом Поясе. Отголоски этих устных преданий не составляют единого целого: они вошли в письменность в разное время и затем из разных источников перешли в Тверской сборник.

Вглядываясь глубже в эпизоды героических подвигов Александра Поповича, можно заметить, что первые три из них тесно связаны между собою защитой Ростова, четвертый же эпизод находится с ними в некотором противоречии и более или менее обособлен.

Три первых эпизода связаны с защитой Александром Поповичем своего родного города Ростова от соседнего русского князя Юрия. Александр Попович верен своему городу и сюзерену даже тогда, когда князь Константин покидает его. Успехи Александра Поповича при защите своего города объясняются заступничеством патрональной святыни Ростова — „Пречистой“. Патрон Ростова — „Пречистая“ — не отпускает от себя ростовского князя Константина и помогает Александру Поповичу при защите Ростова. Народные предания о первых трех подвигах Александра Поповича объединены общей струей местного ростовского патриотизма и феодальной идеологии. Память о нем как о ростовском герое, „жителе“ Ростова, сохраняется именно в Ростовском крае, тесно связана с определенными урочищами. Это предания местные, топографически приуроченные, что составляет характерную черту эпических преданий раннего средневековья.³ В современном эпосе воспоминание о ростовском происхождении Александра Поповича сохранилось в былине „Алеша Попович“ в сборнике Кирши Данилова (№ XIX). Алеша назван в ней сыном старого соборного попа ростовского. Он выезжает вместе с Екимом Ивановичем:

„Из славного Ростова, красна города“.

¹ См. ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. V: „Не бо бех Кианинь родом, ни Новаграда, ни Владимира, но от веси Ростовских областей“.

² Поздние ростовские летописи (XV — XVI вв.) в основном продолжают московскую линию летописания, почти не будучи связаны с местной летописной традицией XII — XIII вв.

³ Топографическое приурочение имеют все устные предания, вошедшие в Повесть временных лет.